— Будто грязь среди чистых людей. Я ненавидел грязные вещи, потому что не понимал, что по-настоящему значили те слова.

Ханна, затаив дыхание, слушала рассказ Яна.

— Я хотел быть чистым. Мне не нравилось быть грязным, поэтому вытирал, смывал, счищал каждое пятно снова и снова. Но я поздно осознал, что грязь, о которой говорили все эти люди, не была той, что оставалась на моих руках, ногах или лице.

Ян был брошенным ребёнком из императорской семьи.

Рожденный из чрева скромной куртизанки, он был позором на императорском роду.

Призрак императорского дворца, который очевидно существовал, но не был признан.

Этим призраком и был Ян.

— Я думал, что, если смогу избавиться от всей своей крови, тогда я стану чистым.

— Ян…

— Я знаю. Всё это бесполезно. Но даже когда я понял это, та навязчивая идея никуда не исчезла.

Он поделился с Ханной своей болью, которую раньше никому никогда не доверял.

Девушка подняла руку, чтобы утешить Яна, но замерла на полпути.

Разве она могла одним прикосновением избавить его от всей той горечи?

— На самом деле, я не испытываю к вам ненависти.

— … Знаю.

В тот момент Ханна действительно его полюбила.

— Надеюсь, вы тоже меня не возненавидели.

— Я не питаю к тебе ненависти.

— Даже если я грязный, учитель… Надеюсь, вы не чувствуете отвращения.

— Ты не грязный, Ян.

Рука Ханны осторожно коснулась белых перчаток Яна.

— Ты никогда не будешь грязным или уродливым.

Ханна передавала взглядом всю свою искренность, встретившись глазами с израненным мальчиком.

— Самый драгоценный в мире. Это ты.

Как же это жестоко, когда человек не принимает и не готов полюбить самого себя.

— Учитель поможет тебе стать таким.

Важнейшим человечком во всём мире.

Ян склонил голову, и сияющие печальные капли покатились по его щекам.

Ханна прикусила губу и с трудом сдерживала нахлынувшие слёзы.

Как можно было так изранить тонкую душу, чтобы в будущем он превратился в злодея.

— Мы все тебя любим.

Ян не поднимал головы, пока принесённая им каша совсем не остыла.

Даже когда дрожащая рука Ханны коснулась плеча мальчика, он больше не напрягался и не отстранялся.

***

Уже полностью выздоровевшая Ханна снова проводила очередной день в постели.

Можно сказать, так она коротала несколько отпускных дней по болезни.

— Хм, хм…

Она проводила досуг за чтением всемирно признанной книги по воспитанию детей, в то же время прикладывая один за другим нарезанные ломтики свежего огурца к своему лицу.

После перенесённой тяжкой хвори её лицо заметно опухло.

Огурцы, заботливо выращенные на огороде детского приюта, обладали высокой влажностью и легко прилипали к коже.

Ханна перевернулась на кровати и углубилась в изучение содержания книги.

— Хорошо. Возможно, дети совершают плохие поступки, потому что желают получить больше внимания.

Девушка усердно обучалась и выделяла для себя наиболее полезные вещи.

Тук, тук.

Услышав стук в дверь, Ханна поспешила спрятать книгу под одеяло и всем телом вытянулась на кровати.

Только после того, как натянула одеяло по самую грудь, девушка глухо сказала.

— Заходите.

Ханна намеренно говорила тише.

Определённо, её визитёрами были не дети.

Они обычно без стука отворяли дверь, вбегали внутрь комнаты и разбредались по ней со словами: «Учитель! Мы пришли!»

— Я слышал, вы простудились.

— Священник Чейзен?

Это действительно был Чейзен.

На его лице так и читался упрёк: «Я оказал вам поддержку, чтобы дети не заболели, но как вы умудрились простудиться?»

— Хм, это всего лишь лёгкая простуда. Скоро выздоровею.

— … Хорошо, если это так.

Сжимая в руках пакет с лечебными травами, произнёс Чейзен.

— Это лекарства для меня?

— Да. Если примите это, хорошо разогрев, вы сразу пойдёте на поправку.

Ханна бросила подозрительный взгляд на кулёк с лекарствами, что мужчина аккуратно положил на столик поблизости от него.

— Но что это у вас на лице?

«Ой».

Девушка совершенно забыла про ломтики огурца, которые ранее прилепила себе на лицо, ведь они совершенно не ощущались на коже.

— А… Это народное средство для снятия жара от болезни?

На лице Чейзена отразилось недоверие.

Это было несправедливо по отношению к Ханне.

Она действительно использовала огурцы, чтобы сбить жар, увлажнить сухую кожу, а остатки просто съесть. Это будто продукт три-в-одном.

— Если вам нужно, я могу поделиться. Я много нарезала.

Для лица потребовалось не так много огурцов, как девушка предполагала, поэтому накромсала с излишком.

Ханна придвинула миску с нарезанным овощем, но Чейзен отступил на шаг назад.

На самом деле, мужчина вошёл и остановился у стола рядом с дверью, не проходя вглубь комнаты.

Его беспокойство доходило до абсурда.

Ханна восхитилась его осторожностью.

— Не стоит беспокоиться.

Ханна растянула губы в улыбке на решительный отказ Чейзена.

Значило ли это то, что девушка в любом случае не хотела отдавать ему свои огурчики?

— На следующей неделе Центральный Храм собирается посетить приют.

— Проверка?

— Вам нужно оценить условия в детском приюте.

Это означало, что она должна была привести приют в порядок, чтобы внешне всё выглядело приемлемым, а также подготовить детей для проверки.

— Да. Я понимаю.

В любом случае, сейчас, чтобы дети выглядели хорошо, достаточно было просто нарядить их в чистую одежду.

В последнее время ребята замечательно росли, полноценно питались полезными продуктами, поэтому внешне выглядели здоровыми.

— Тогда, пожалуйста, выздоравливайте скорее.

— Спасибо.

Получив равнодушную благодарность Ханны, Чейзен покинул спальню девушки.

Ханна поместила большой кусок огурца за щёку и громко захрустела им.

— Что же касается священников из Центрального Храма. Они такие же гнилые люди.

На самом деле, девушка ничего хорошего не ожидала от посещения приюта этими служителями Бога.

Они не представляли собой ничего особенного.

— Хм. О, заканчивается время обеда.

Ханна как пташка с лёгкостью выпорхнула из постели.

Она хотела приготовить закуски для детей, которые питались в храме из-за её болезни.

***

http://tl.rulate.ru/book/48664/1877827